

18+

В БЕЗДЫМНОМ ПЛАМЕНИ

Митсуне

НЕ ВЕДАЯ СВОИХ ЖЕПАНИЙ, ПОЗНАЙ ЧУЖИЕ

Митсуне Митсуне В бездымном пламени

<https://litres.ru/73984941>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фиолетовые буквы, словно выдолбленные в камне, вились вязью похожего на арабский языка, но прекрасно переводились в моем мозгу, складываясь в ужасающие по смыслу речи.

«Раб лампы, отныне и до конца, ты принадлежишь миру духов. Рожденная в четверг, прими свою новую жизнь со всеми ее тяготами и обязательствами»

КТО?! Раб лампы?! Рожденный в четверг? Мир духов?!

— Я — джинн?!

Не веря в увиденное, приблизилась сомнамбулой к стене и коснулась завитков, снова невольно обратив внимание на цвет своей кожи.

Так.

И что? Я умерла? Получается, умерла в свой день рождения, как самая последняя неудачница? Кажется был как раз четверг

Содержание

Миф первый. Джинны и джиннии	4
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Митсуне

В бездымном пламени

Миф первый. Джинны и джиннии

Джиннов, как и ангелов в мире всегда постоянное количество. Скорее, во всех мирах огромной мультивселенной, по которой они вполне успешно перемещаются, если появляется такая необходимость.

И, если первые, добровольно, то вторые — принудительно.

Ни в одной реальности ты не найдешь копию, отражение или клона того, кто рожден в четверг.

Сила джинна — константа и, когда один ее сосуд погибает, вся она собирается в один огромный шар и мчится среди миллиардов звезд в поисках нового носителя.

Поэтому, если над вашей планетой пролетает огромная хвостатая комета, значит где-то рядом скоро родится новый джинн.

И для меня это слишком ненавистно, чтобы быть прекрасным...

Исконные джины были наказана за восстание, за попытку подрыва власти, за то, что совершали.

А за что может быть наказан человек, чья жизнь итак обо-

рвалась?

Да еще так нелепо...

Хотя, если порыться в самых потайных участках души, я прекрасно знала, за что награждена сомнительной честью — пополнить ряды, живущих на привязи.

Сколько себя помню, в своей человеческой жизни, я больше всего ценила свободу, и за нее безмерное число раз проклинала мироздание.

Первой моей свободой, стала свобода от неблагополучной семьи, в которой бутылка ценилась больше, чем ребенок. Не важно, что он сделает или скажет, он виноват уже тем, что он не содержит в себе алкоголя.

Поэтому, в возрасте пяти лет органы опеки изъяли маленькую отощавшую девочку-оборвыша из грязных рук безответственной семейки, которая без пособий от государства, успешно сдохла в течение последующих несколько лет, отравившись некачественной выпивкой.

Так я избавилась от кандалов и получила свой первый кусочек свободы, который со временем становился все меньше, по мере того, как росло число ограничений, правил и условностей, которые неукоснительно должен соблюдать любой ребенок, живущий на попечении государственного бюджета.

Как-то, Лидия Викторовна, наша нянечка, сказала мне, жадно заглатывающей еду, принесенную ею украдкой после отбоя: «Учись, милая. Знания и деньги, вот что делает тебя

свободной и независимой.»

Неокрепшее сознание, почему-то решило зацепится именно за это наставление и каленым железом выжечь его в детском мозгу.

Может быть потому, что пахнувшая сдобой и добром женщина гладила меня по голове и искренне верила, что делает как лучше?

Я училась. Я пахала. Я сосредоточилась на одной цели и шла к ней, не щадя ни свои собственные чувства, ни чувства окружающих.

По достижении совершеннолетия, меня культурно выпустили из детского дома, отдав ключи от квартиры почивших родителей, документы и скудный скарб.

Ушла я не оглядываясь.

Друзей у меня не было, а единственной привязанностью стало золотое кольцо с корундом, еще советского производства, которое осталось от умершей пол года назад Лидии Викторовны.

На ее похоронах я плакала, наверное, первый и последний раз, с момента рождения. Стоя под палящими лучами солнца, смотрела мокрыми глазами на кипу цветов от воспитанников, и молча клялась на ее могиле, что обязательно достигну это волшебной и неосторожно обещанной мне свободы.

Потом был вуз, не тот который хотелось, а который приблизит цель на несколько ступеней.

Пахнувшая брагой и тухлятиной двушка была вычищена и выскоблена до состояния голых стен, полов и потолка собственными силами за несколько месяцев. Единственное, что я себе купила — мультиварку, лампу и матрац.

На юридический я поступила не только своими силами, но и всеми доступными сироте преференциями, занявшая второе из трех доступных бюджетных мест.

Увы, при наличии своего жилья, общагу мне не дали, но и черт с ней.

Я устроилась на работу в бар, беря только ночные смены. Училась на очном, делала ремонт своими руками и скрупулезно двигалась вперед, маленькими и ужасно тяжелыми шагами.

Без друзей. Без привязанностей. Без помощи и поддержки.

Чутка избалованные одноклассники, ко мне не вязались, понимая, что подшучивать надо мной — все равно что стучаться в стену тщательно изолированного атомного реактора, нудно и неинтересно. Зато они с удовольствием покупали у меня доклады, курсовые и практические.

Нет, Маугли я не была, что Вы.

Живя в социуме, я полностью его изучила и успешно мимикрировала. Одета была аккуратно, делала сама себе бьюти-процедуры по возрасту, накладывала макияж, следила за волосами. Просто не жила ничем, кроме учебы и работы. В любое свободное время я или спала или училась или дово-

дила до ума жилище.

Деньги пришли позже.

Много позже.

К окончанию вуза мое место для жизни выглядело сносно. Имелись накопительные счета, и, даже, на примете было несколько фирм, в которых я намеревалась проходить стажировку.

А потом реальность снова показала свое безразличное и отвратительное лицо, где никому и ни до кого нет дела.

Свобода от ответственности и груза социальности несет беспомощность, однако, благо мне было все равно.

В юридическую фирму меня взяли без проблем, оценив диплом и стремления к работе, а не пустой болтовне. Там я проработала два года, а потом у нас сменился руководитель.

Матвей Захарович ушел на пенсию, и на его место пришел сын учредителя. Было ему около сорока, успешный брак и двое милых детей.

И любовница в моем лице, которой был выставлен весьма прозрачный ультиматум.

Детка раздвигает ножки, или катится без рекомендаций так далеко, где о юристах знают только пингвины.

С той самой холодностью, с которой и ранее преодолевала все трудности и препятствия, я кивнула, купила комплект хорошего белья, выпила три шота настойки в баре и в нужное время пришла в нужное место.

Не сказать, чтобы интимная сторона жизни меня привлек-

ла. Карачевский Антон Евгеньевич был в постели без предпочтений и старался произвести впечатление на молодую любовницу, приятно удивившись ее затянувшейся девственности.

Это почему-то заставило его заклинить на мне и не выпускать из довольно потных временами ладоней несколько лет.

В благодарность за это и отсутствие скандалов с претензиями, моя карьера пошла в гору.

Шепотки? Сплетни? Осуждения? Слухи?

Все равно.

Мне делали подарки. Меня украшали, как дорогое имущество.

Пришлось, конечно, подстроиться. Но, спортзал, косметологи и салон, не так чтобы тяжелая ноша на пути к свободе.

Я не лезла в его семью, не требовала на мне жениться. Улыбалась, когда просили, наряжалась, когда требовали и послушно подставляла шейку, для поцелуев.

Прозрение пришло, как водится, весьма внезапно.

В свой двадцать девятый день рождения, выпавший на четверг, четвертого апреля, я стояла возле зеркала и с некоторым раздражением одергивала узкую юбку до колен. Она была безумно неудобной и требовала ношение того вида белья, которое так ненавистно любой из здравомыслящих женщин.

Зеленые глаза вспыхнули недовольством, и я потянулась к

шее, где широкий чокер из жемчуга и фианитов, подаренный на этот Новый год так отчаянно мешал дышать.

Кто смотрел на меня из зеркала?

Где моя свобода, к которой я так долго шла?

Из зеркальной поверхности смотрит породистая собака после груминга, в дорогом ошейнике.

Почему я одета в одежду, которая безумно неудобна?

Почему в собственный день рождения я иду в оперу, которую терпеть не могу,?

Ведь после нее еще сутки болит голова, словно у стоматолога была.

Почему на мне каблуки такой высоты, при которой отдает из стоп даже в шею?

Почему я работаю на работе мечты, но искренне раздражаюсь на каждом заседании, не в силах терпеть людского гомона?

Почему почти каждый день меня касается мужчина, от которого ТОШНИТ?!

Тошнота подкатила к горлу, я ожесточенно дернула сдавливающую шею удавку и поплывшим взглядом смотрела на то, как жемчужины и камни кинулись врассыпную, ударяясь о деревянный пол.

Безумие. Меня охватило безумие.

Свобода?

Я кричала и выла, словно меня режут на части, рвала на себе одежду и волосы, царапала до крови руки и проклинала

Бога.

Почему Он за мной никогда не присматривал? Почему дал эту свободу выбора, которая превратила мою жизнь в ад? Почему не остановил? Почему Ему никогда не было до меня дела? Почему я обманута свободой?!

Ненавижу!

Мне почти тридцать! Я подстилка! Я не ведаю своих желаний! Я не знаю своих чувств! Я **НЕНАВИЖУ** свободу!

И Он услышал.

Это был ужасно неудобный момент, чтобы услышать истерику искалеченного собственным выбором создания.

В самый разгар истерики, внезапно стало слишком трудно дышать. Окружающий мир начал схлопываться, как старый телевизор, все вокруг пожелтело и пол взметнулся вверх.

Удара я уже не ощутила, потому что смерть от лопнувшего в голове сосуда была мгновенной.

Иногда, система так неповоротлива, но именно в это день, все случилось на редкость быстро.

Вскрытие. Заключение. Кремация в том же учреждении.

Четверг. 23:05.

Четвертый день четвертого месяца.

В печи под струями бездымного пламени горит тело того, кто был создан из глины.

Оказалось, глина весьма успешно горит, чтобы в наказание за не оцененные жизнь и свободу выбора стать тем, у кого всего этого нет изначально.

Не ведая своих желаний, познав
чужие.

Не ценя свободу, потеряй ее.

Не желая жить, стань бессмертной.

Над городом летит комета. Пузырится и сходит невесомой пленкой кожа, осыпаются пеплом мышцы и кости, а на тумбочке в прихожей светится и раскачивается золотое кольцо с корундом, вбирая в себя дух и силу новорожденной джиннии.

Что должен сделать первым делом хороший юрист?

Изучить правила, условия, права и обязанности сторон.

Я была хорошим юристом. Очень хорошим, иначе бы, за счет только одной связи с начальством по карьерной лестнице бы не поднялась и на пол пролета.

Однако, даже несмотря на это, первое, что я сделала, это впала в продолжение начатой в прошлой жизни истерики.

Просто, потому что, когда ты приходишь в себя не в собственной квартире и даже не в больнице, а на пыльном полу

неизвестного помещения, где нет ни окон, ни дверей, только чуть розоватый свет из-под стеклянного овального потолка, слишком мутного и толстого, чтобы увидеть пространство за ним, в общем - не самые это прекрасные ощущения.

Возможно, хуже было бы, если бы я оснулась в той печи или гробу...

Я каталась по полу, царапала его до сорванных ногтей и впервые с таким всепоглощающим коктейлем страха и облегчения давала волю собственным чувствам.

Когда силы покинули, я дышала надсадно, ртом и носом, чувствую, как спертый воздух этой мрачной ловушки забирает гортань, заставляя разразиться кашлем.

Раскинув руки и ноги, я просто лежала на теплом каменном полу и ни о чем не думала. Не ощущала голода, жажды, естественных потребностей. Только тело чесалось, словно на солнце пересидела или в солярии. А по мере успокоения, поняла что не слышу даже стука собственного сердца.

Это пробудило удивление.

Прижала ладонь к груди, но тихо... перевернувшись на карачки, с трудом села, расставив ноги, и надавила пальцами правой руки на запястье левой.

Минута... две... пять.

И не единого удара сердца, словно пульса вообще не существует. И только тут обратила внимание на то, что кожа какая-то странная.

Стоило подумать, что тут ужасно темно и ничего не видно,

как свет усилился, очистился от примесей розового спектра и заставил широко открыть рот.

Я была почти голой и СЕРОЙ!

Холодный грифельно-блестящий оттенок покрывал каждый кусочек моего тела. Ногти белесые, волосы длиннющие, белым веером стелятся по полу и нет им конца и края. Ноги в тонких объемных шелковых брюках, закрепленные серебряными резинками на щиколотках.

Я как в сюрреалистическом сне поднялась, слегка пошатываясь и сглотнула.

Как и думала, пепельного цвета пряди лишь на пару сантиметров не доставали до пола, оттягивая голову назад своим несвойственным для меня объемом.

— Что за?

Грудь облегал широкий топ без лямок, из той же ткани, что и штаны, только расшитый серебряной канителью и зелеными камушками. На бедрах звенящее нагромождение из брюликов, монеток, звеньев, все в той же серо-зелено-белой гамме. На шее толстенное, судя по ощущениям, колье, наполняющее на плечи, ключицы?

Запястья запаяны в широкие узорчатые наручи, тянущие вниз кандалами.

Я махнула руками, словно пытаюсь стряхнуть эту тяжесть, но пол так резко отдалился, что меня накрыл новый шок.

Ноги исчезли, сама же я взмыла под потолок, а ниже пояса был туман!

Прям густой, словно мне конечности подождгли.

Вой вышел знатным. Метаться по замкнутому пространству, ударяясь об потолок и стены, не имея возможности остановиться, было отчасти даже весело, если исключить лютейшую панику.

В конечном итоге, как сказочная птица, я ударилась о землю и ноги вернулись на свое законное место. Я вцепилась в них руками, ощупывая колени, голени, бедра и пальцы.

Мистика какая-то! Полнейшая!

И в этот момент появились они, письма.

Фиолетовые буквы, словно выдолбленные в камне, вились вязью похожего на арабский языка, но прекрасно переводились в моем мозгу, складываясь в ужасающие по смыслу речи.

«Раб лампы, отныне и до конца, ты принадлежишь миру духов. Рожденная в четверг, прими свою новую жизнь со всеми ее тяготами и обязательствами...»

КТО?! Раб лампы?! Рожденный в четверг? Мир духов?!

— Я — джинн?!

Не веря в увиденное, приблизилась сомнамбулой к стене и коснулась завитков, снова невольно обратив внимание на цвет своей кожи.

Так.

И что? Я умерла? Получается, умерла в свой день рождения, как самая последняя неудачница? Кажется был как раз четверг...

И теперь я джинн?

Глубоко вздохнув, нашла взглядом уже прочитанные первые строки и остро пожалела, что не на чем записать. Слог текстов был витиеватым и остатки мозга той другой жизни требовали упрощения.

Ладонь кольнула и уже в каком-то отстраненном оцепенении, сжала в руках обычную шариковую ручку и кожаный ежедневник, точно такой же, как лежал у меня на столе дома.

Палец нажал на кнопку и щелчок раздался в окружающей тишине так громко. Я щелкнула повторно. Потом еще раз и еще.

— Ага...ага. Душно что-то

Поток свежего воздуха рухнул сверху и в мгновение ока избыл затхлость окружающей меня пустой комнаты.

— Ага, — проговорила я, еще раз щелкнув кнопкой ручки. — И пыльно.

Странное пощипывание кожи длилось около минуты, но разводы пыли, оставленные на полу моими босыми ступнями пропали. Воздух стал едва ли не кристальным, а запах озона намекал на причастность дезинфицирующей лампы.

«...и познаешь ты собственную душу, отделяя истинное, от ложного. И желания хозяина станут явью, но не твоими желаниями...»

Сглотнула сухим горлом.

— Коньяк, пятнадцатилетней выдержки.

Зажала ручку разворотом блокнота и выпила из появившегося сосуда, чувствуя, как высокоградусный алкоголь выжигает панику и неверие происходящего.

Не знаю как там должно быть у духов, но мне по шарам накатило знатно.

— Воды, холодной.

Запила, не по правилам, но максимально желанно.

Стакан, подброшенный в воздухе, к моему искреннему восторгу, растворился.

Сделала пометку в блокноте и двинулась вдоль стен, записывая любую фразу, которая могла не стыковаться с остальным текстом и привести к юридической казуистике, помогая мне понять и...выбраться?

Полагаю, я единственный джинн во вселенной с ежедневником и сигаретой в зубах, ползающий вдоль стен лампы и выписывающий нюансы своего существования.

Не ясно, что там с наказанием, но пока что, эти...неизвестно сколько дней моей новой жизни были самыми свободными и спокойными за обе.

Все получалось довольно интересно.

Я качнулась в кресле качалке и подтянула сползающий плед.

Сочное яблоко в руке именно такого вкуса, как и хотелось,

приводило в восторг и я даже улыбалась. Не той вымученной протокольной улыбкой, что клеила на себя долгие годы, а искренней, пусть и некрасивой, по мнению бывших коллег. Одна из них, бухгалтерша Леночка, морщилась и навешивала сравнений с голодной акулой, демонстрирующей жертве весь набор зубов.

Подкинула огрызок и перелистнула страницу собственных записей, где тщательно структурировала все выписанное.

Я — дух.

Мне не требуются для поддержания жизни: еда, вода, посещения туалет и прочее.

Одежда, питье, продукты, предметы наколдованной в лампе обстановки — все это часть меня. В буквальном смысле, словно я срезаю кусочек кожи и леплю из него необходимое, что помнит и хочет создать мой разум.

Из пищи только то, что когда-либо ела и пробовала.

Получается, что из собственное магии создается еда и после ее поедания, отщипнутый кусок эфира встраивается обратно в мой волшебный организм.

Звучит весьма дико и мерзко, но... мне, резко захотевшей домашнего борща и навернувшей целую кастрюлю, стало параллельно.

А еще, «познать себя» стало на порядок проще, когда никого вокруг нет и посторонние не стоят над душой со своим важным мнением.

Оказалось, что мне вполне нравится вкус брокколи, и безумно раздражают дорогие устрицы и лобстеры. Что спать я люблю на жестком и застелить постель шершавой бязью, а не скользким шелком.

Размеры моего вместилища изнутри были весьма, можно сказать, абстрактными. По мере необходимости они становились меньше или больше и не заставляли ни в коем случае ощущать клаустрофобию. Да у меня ее просто не было!

Наоборот, я никогда в жизни не чувствовала себя настолько в безопасности.

Скорее всего, этому способствовала информация, что в лампу помимо джина никто не может забраться.

Это же так потрясающе! Изучив и вычленив все, что только можно, я разошлась ни на шутку.

Так, вместо комнаты посреди лампы стоял — сруб.

Да. Маленький дом из трех комнат: кухни-гостиной, ванной и спальни. Огромные стеллажи, к сожалению заполненные весьма скудно только теми книгами, что я прочла за свою жизнь человеком, но ведь можно же потом, когда выберусь, наколдовать себе еще?

Вокруг дома появились растения, прудик и пели птицы. Менялся световой режим от ночи ко дню. К сожалению, как синхронизировать его с реальность я пока не понимала, поэтому просто делала из дня ночь, когда хотела.

Я могла внутри лампы имитировать обычную жизнь в любом ее проявлении, кроме техники...но и это не пугало.

Правда с одеждой вышел затык. То, в чем я очнулась, оказалось чем-то вроде формы, и меня в нее выбрасывало, после каждого превращения в безногий вихрь.

Убрать я смогла почти все украшения, перестав звенеть ежесекундной погремушкой, но огромные браслеты на руках и ногах сохранялись при любом раскладе. Даже, если я превращала их в тоненькие цепочки визуально, они ощущались тем, чем были — огромными тяжелыми кандалами с вязью на языке, который не смог перевести даже мой волшебный мозг.

И, несмотря на всю эйфорию одиночества и безопасности, спустя примерно месяц по внутренним ощущениям, начали подкрадываться страх и некоторое беспокойство. Перед неизвестностью, непредсказуемостью будущего.

Словно что-то вот-вот должно случиться. Что-то, что нарушит мой выстроенный и идеальный покой. Ведь джинния — не отрубленная голова в пробирке и рано или поздно появится хозяин.

И я начала готовиться.

Незнание закона не освобождает от ответственности, а вот знание — дает хороший маневр для попытки извернуться.

Я зазубрила все правила, все свои защитные пункты. Ярким маркером выделила спорные моменты, которые могли неприятно удивить, в случае осведомленности о них Хозяина.

Тот, кто составлял эти пункты явно был не силен в юрис-

пруденции.

Священным для джиннов было число — четыре.

Как рожденные на четвертый день создания мира, почти все их существование так или иначе вертелось вокруг этой цифры.

Желаний было четыре. Мне почему-то мнилось, по сказкам и кинематографу своего мира, что должно было их быть три. Но нет.

Запретных пунктов также четыре, но некоторые так расплывчаты, что даже страшно.

Так, мне запрещалось — воскрешать, убивать, не могу заставить кого-либо любить или желать Хозяина и не могу по запросу увеличить число желаний.

Но, во власти хозяина лампы есть еще приказы, относящиеся лично к поведению и внешности джинна. Все они должны начинаться со слов: «Я приказываю...» А дальше, на усмотрение владельца. Он может приказать мне лизать ему ноги, не сопротивляться, если захочет поймать или вообще запретить говорить.

До абсурда не дойдет. Приказать мне умереть никто не сможет, ведь я итак мертва, но честно говоря, на что способно человеческое убудски заточенное мышление, как работающая долгие годы в суде, я представляла.

Кто бы не создал запреты на любовь и хотение, чтобы защитить джинна, но он явно не разбирался в людской природе. Открою секрет, насильнику плевать, хочет ли жертва его

или нет.

После этого неприятного открытия я выкурила пачки три, и именно тогда вновь встал вопрос с «формой», в которой я впервые появлюсь перед Хозяином.

Вариант сделать себе наименее привлекательной хренью отпал, потому как при выходе из лампы я наверняка развоплюшусь, а развоплощение — сброс до базовых настроек первичного облика пепельной (во всех смыслах) блондинки, практически в неглиже. А как еще назвать этот топ, без лифчика и подкладок или штаны из долбанного шелка без трусов?!

В общем, хреново.

Я затупила окурки о страницу ежедневника, промахнувшись с пепельницей, и, похлопав раздраженно по тлеющему листу, вернула его целостность.

Подперев кулаком подбородок, посмотрела в окно своего убежища, наблюдая за искусственным колыханием травы и листвы за ним.

Надежда только на то, что хозяин или хозяйка будут не в курсе правил эксплуатации. Но, была бы я душой, если бы на это надеялась.

Это глупцы, думают, что все вокруг тупые. Я же заведомо подозревала, что люди умные, чертовски умные и хитрые, пока не докажут обратное.

Что же мы получаем в итоге...

Постучала сереньким ноготком по столешнице.

У лампы нет времени и пространства, она ходит по разным мирам, временам одного мира или даже просто планетам. После прибытия в новую реальность, мне дается четыре по четыре дня на изучение мира, впитывание волшебным мозгом местного языка, а дальше лампа деактивируется и запирает меня внутри себя, позволяя только осмотр внешнего мира через метафорическое «блюдечко» из детских сказок, а по факту просто камера наружного слежения с неограниченным радиусом.

Вылезти не могу, повлиять на то, кем будет хозяин тоже, только ждать, пока призывавшее меня мироздание выдаст индивида с повышенной жадностью.

И, кстати, реальность действительно призывает джина, когда приходит время встряски, выхода из застоя или же технического/магического, прорыва.

Потрясно, да? Этакая служба помощи в ликвидации застоя.

Взяла красный маркер и обвела два наиболее бесящих меня момента.

«Служба текущему хозяину ведется до: исполнения четырех желаний, смерти хозяина или по каким-либо причинам потери им возможности загадывать».

И.

«Джин не может никого убивать».

А почему не может? Кто будет осуществлять контроль? Или я физически не смогу проткнуть кого-то? Или это каса-

ется только убийства магией...

Но, если не могу убить, смогу ли так извратить смысл желание хозяина, что он сам себя доведёт до самоубийства?

Маркер выпал из замерших пальцев. Я застывшим взглядом уперлась в пространство, а потом резко вздрогнула и крупными буквами вывела:

«Формулировка!»

И отметила это дело глотком кофе.

Вот моё спасение! Чем более размытая и краткая формулировка, тем больше я могу сделать себе на благо.

Если хозяин — тварь, то исполнить можно так, что сам не обрадуется тому, что загадал.

Если человек не плохой (встречается редко, занесен в красную книгу) — то можно и не крутить.

Животный страх чуть осел в животе, и готовиться к первому выходу стало не так страшно. И, наверное, зря, потому что меня все же больше шокировала не вероятность чьей-то смерти, а вопросы выхода из ситуации.

Быть может, я была действительно идеальной кандидатурой на роль джиннии...

Заматавшись в ткань по самые брови, я через тонкую вуаль защитной сетки смотрела на бушующую песчаную бурю. Как это иронично, что перво-наперво меня выкинуло на

древнем востоке. Ни машин, ни самолетов, ни нормальных туалетов. Зато уровень религиозности зашкаливает.

Я прогулялась первые дни открытия лампы по планете, нашла ее почти ничем не отличающуюся от своей. Наколдовала пару монет, за которые прикупила вкусностей, даже не испытывая угрызений совести, что созданные из моей магии монеты исчезнут через четыре дня. В конце концов, я не коллекцию антиквариата приобрела, а булочку в довольно большой лавке.

Древние династии, верующие люди. Ради интереса заглянула в Европу, потолкалась при дворе Карла Великого и, наконец, примерно определилась с временем. Это где-то 800-ый год после нашей эры, после развала Римской империи. Если это вообще мой мир. Но Карл Великий, был не сильно-то и Великим, если не считать его нос.

Пиететом я не прониклась.

Ну, будем честны, после того как почти бесплатно пользуешься нейросетями и прочими радостями ИИ, мозг отказывается восхищаться колесницей и запряженными в нее измученными конями с пеной изо рта.

В моих перемещениях не было конкретики, положившись на волю авось, просто перемещалась по странам и городам, не единожды напугав парочку жителей, своим жутким видом.

Они рыдали даже... дикие создания.

В итоге, я более менее научилась становиться условно ви-

димой, это когда ты есть, но тебя практически не видят, ведь людской разум просто дорисовывает тебе нужные атрибуты обычного гражданина.

Единственное, что я постаралась доработать до автоматизма, это — после перемещения менять цвет кожи на человеческий.

Так, стоило моему условно-физическому телу сформироваться из дыма, как я моментальной перекрашивала себе кожу и волосы под цвет, увиденный в окружающем пространстве. Потом уже одежда и вываливалась в видимый спектр.

И что уж обманывать себя, первый выход из лампы даже успокоил. Стресс от неясного и туманного будущего отступил и дышать стало в разы легче. Люди как люди, не больше и не меньше.

В последний день перед дезактивации лампы, я насмотрелась на понравившуюся мне растительность, поспрашивала об условиях их роста и, обратившись дымом, налеталась так, что меня почти тошнило.

И вот сейчас, бездумно глядя на закручивающийся песчаный смерч вокруг меня, боролась с желанием закурить.

Свобода. Моя главная предательница и цель. Ты так сильно ранила меня своей несбыточностью, что даже помышлять о тебе в текущем своем состоянии я не в праве. Однако, так хотелось, но...

У джина есть три выхода.

Первый, если хозяин загадает из жалости или глупости

свободу духу, то сам займет его место, а я получу физическое тело, все непрожитые жизни этого человека и буду жить в его мире.

Второй, разрушить вместилище. Если кто-то извне сломает лампу, то джинн развоплощается и душа его уходит на перерождение свежевылепленным куском глины, а сила уходит искать нового несчастливого. Из минусов, разрушивший лампу платит жизнью, а джинн теряет память... что естественно. Странно это будет, если новорожденный спросит у матери, какой сейчас год и в каком он мире?

Третий, «избыть наказание». Что это? Как это сделать? Это должно произойти внутри меня или вылиться в событие? Сплошные вопросы и самая ненадежная информация из всех...

А на двух первых путях лишние жертвы... лишние. Про то, что сам джинн может или не может уничтожить свое вместилище не было ни слова.

И вот сейчас, ощущая рвущие на части порывы злого горячего ветра, я смотрела на «лампу» у своих ног и понимала почему.

Моя лампа оказалась никакой ни лампой, а кольцом Лидии Викторовны. Тем самым, на что у меня действительно не поднимется рука.

Она умерла. Я умерла и переродилась. Но самолично разрушить память о единственном любимом человеке?

Для этого я еще слишком человек. Надолго ли?

Племя зенетов. 800-ые годы после нашей эры. Идир аз-Зенати аль-Маграви (живой, с языка берберов; аз-Зенати — принадлежит к племени Зенетов; род Маграви)

Отдыхать после первой прогулки пришлось недолго.

Уже через пару дней ощутила странную вибрацию, словно меня за кишки тянут наизнанку.

Телом мое в пижамном костюме из шорт и футболки мигмом истаяло и облаком пепла было выволоченно наружу.

Солнце ударило беспощадно по темному оттенку кожи, почти обжигая.

Мощь браслетов браслетов тянула многотонной гирей и слова вырвались изо рта быстрее, чем мозг их осознал.

— Джинния приветствует Вас, Хозяин. Слушаю и повинуюсь.

Сощутив глаза от яркого света, разглядела перед собой старичка продубленного и просушенного настолько, что он казался едва ли не сожженной спичкой.

Седые волосы, закрученный на голове платок и выдавшая виды одежда, выцветшая от времени, но аккуратно заштопанная. Он опирался на палку и почти испуганно сжимал в тонких темных пальцах мое кольцо.

— Ты Шайтан? — хрипло спросил мужчина. — Ты пришла забрать мою жизнь?

Почему-то, первым, что я ощутила — был стыд.

Несмотря на то, что в положении раба тут я, багаж зна- ний висел за моими плечами куда внушительнее, чем за всю жизнь вот этого человека...

Безумно стыдно.

За себя, за свои возможности, за страх пожилого мужчи- ны.

Распрямила руки и провела над головой, убирая патлы в высокий пучок и наколдovывая себе платок. Под расширен- ными от ужаса карими глазами дедушки, стала смуглой, а не серой и накинула сверху местный балахон, тут же ощутив облегчение. Хотя бы психологическое.

— Простите, что напугала. Я — не смерть. Я — джинн, существо, выполняющее желания. У вас их четыре. Нельзя желать увеличения их числа. Я не могу убить кого-то, заста- вить вас полюбить или воскрешать мертвецов. В остальном, все в ваших руках.

Тонкие пальцы неожиданно сильно сжались на перстне, отчего даже я ощутила давление, словно это меня раздавли- вает невидимая ладонь.

Мужчина пугливо прижал к тощей груди только что осо- знанную драгоценность и развернулся в сторону дома, авто- матически вынуждая за собой следовать.

Я, покорно идя следом, принялась молча разглядывать скудный пейзаж. Вокруг поселение: мазанки-дома из соло- мы и подсохшей корки глины; скудные посадки; крик и го-

мон вдалеке; верблюды и ослики, судя по запахам, где-то вне пределов видимости и в руках у дедули не клюка, как сперва показало, а мотыга.

Потрясенно вытаращившись, опустила глаза на сухую, потрескавшуюся почву.

Он ЭТО мотыжил?!

Да тут практически прессованный камень! Нужны или бур, или динамит, что разбить подобное. Издевательство над старостью и самим словом «земледелие».

Мы подошли к маленькому дому, больше похожему на поделку четырехлетки из картона и пластилина в детском саду. Этаким кирпичик, с неровной поверхностью стены снаружи, клетушкой окошком и соломенной крышей, для прочности замазанной тем-же, чем они тут штукатурят. Двери нет, на кривом проеме плотная шторка и тамбур такой узкий и кривой, что сразу понятно, он не для гостей, а чтобы не впустить зной в дом.

Пыльный полог шлепнулся за спиной вызывая кашель, зато жар солнца перестал давить на плечи и психику. Я семенила вслед за хозяином, с трудом скрывая удивление и любопытство вперемешку с жалостью.

Изнеженный разум, возвращенный в двадцать первом веке просто не мог сопоставить увиденное, с тем, что здесь действительно можно жить. Очень захотелось в лампу, чтобы заколдовать себе ванну и сидеть в нее до тех пор, пока не вырастут жабры.

— Садись, — услышала я, и тело автоматически приземлилось в сидячем положении прямо на полосатый, явно ручной работы ковер, на который показывал пальцем дедушка.

Не сумела проконтролировать лицо, выдавшее неприятное изумление.

Вот оно как, и без «приказываю» справились. Как собаке.

Игнорируя мои внутривенные переживания, дедуля, удостоверившись, что я села, кивнул и отвернулся к стене с выемками, видимо, служившими то ли шкафом, то ли кухней.

Я сцепила руки в замок на уровне живота, подобрала и подоткнула под себя подол местного одеяния и, в целом поворочавшись, села удобнее. Но напряженнее. Осознавал он или нет, но после такой демонстрации власти я растеряла какие-то сказочные ожидания и поняла, что рабство теперь не просто слово на стене лампы, а моя новая реальность.

Наконец, испытывая мое терпение на прочность, хозяин, неся в руках плоску и кувшин, сел напротив на такое же припыленное полотно и поставил посуду между нами.

В глубокой керамической тарелке лежала горсть фиников, а в кувшине плескалось что-то белое, с капельками крупного желтого жира.

— Ешь, — кивнул старичок, вылавливая из чашки финик.

Я, с трудом поборов мгновенное желание сожрать все, вызванное приказом, схватила себя за руку и сжала губы.

— Мне не нужна еда, не заставляйте, пожалуйста.

Он похлопал ресницами, посмотрел на мои гладкие смуг-

лые руки и понятливо кивнул.

— Ешь, если хочешь.

Жуткий противоестественный голод резко пропал, и я с трудом выдохнула.

— Идир, — сказал он, когда прожевал кусочек сухофрукта и ткнул себя пальцем в грудь.

— А я — С...

Замолчала резко и задумалась.

У меня больше нет этого имени. Вернее, оно есть, но почему-то не хочется его даже произносить. Как-будто, это слишком личное и даже постыдное. Да и слышать его от тех, кто будет властен над моей волей... так и возненавидеть себя можно еще больше, чем есть.

Джин. Джинния. Джинирия.

Вот пусть так и зовут.

Инирия. Чем не имя?

— Инирия, — после паузы проговорила я, смакуя непривычный набор звуков и примеряя его к себе.

Идир кивнул и, дотав непонятно откуда чашку без ручек, плеснул в нее из кувшина.

— Молоко верблюда. Если не съесть или не выпить что-то, обидишь хозяина дома. Традиции нужно соблюдать. Так ты подтвердишь, что пришла без злого умысла и с тобой можно говорить.

Приняла чашку из его сухих темных ладоней и, чуть сдвинув мешающийся платок, пригубила.

Сладко. Жирно. Немного противно. Какой ужас, будь я человеком, наверное, побежала бы пить лекарства.

Под внимательным взглядом карих глаз, пришлось допить и поставить чашку, демонстрируя, что все пусто.

Мне щербато улыгнулись. Дедушка расслабился и, доев свой финик, убрал «со стола».

Я же упрямо боролась с тошнотой и не вынеся, наколдывала стакан воды, залив его в себя махом. Стало чуть лучше, но, видимо, холодная вода заставила жир внутри выпасть в осадок.

Но, вместо явного желания вырваться, меня на мгновение расплыло до состояния джина и собрало обратно, демонстрируя вновь исконный облик и горсть пепла под ногами.

Я шокировано «оделась», «перекрасилась» обратно и попыталась понять произошедшее.

С теми булками такого не было... Хотя, после них я почти сразу перенеслась. Помяла пальцем напряженную точку между бровей и нахмурилась. Похоже, все что мной съедено или выпито из реального, с перемещением просто отделяется лишним мусором, не всасываясь и не встраиваясь в работу организма.

Пожелала, чтобы пепел испарился и махнула в его сторону рукой.

Ужас.

Перевод продукта. А еще стыдно как-то. Получается, я почти в туалет сходила посреди комнаты, в смысле духов-

ской физиологии... мдам-с.

Процесс изучения прервал тихий кашляющий смех.

Я совсем смутилась. Ибо так привыкла к ламповому одиночеству, что совсем забыла о присутствии рядом хозяина.

Хозяин смеялся. Покашливал, хрипел и смеялся. Но, ничуть не обидно.

— Лицо у тебя, как у новорожденного верблюда, который только что на ноги впервые встал. Ты, наверное, очень молодой джинн.

— Практически такой же новорожденный, как ваш воображаемый верблюд, — заключила я несмело улыбнувшись, глядя, как его морщинистое лицо, от улыбок и вовсе стало похоже на печеное яблоко.

И на душе стало полегче.

В какой-то степени, моя работа раньше давала возможность разбираться в людях. Я, конечно, не профессионал физиогномики, но у этого очень старенького дедушки нет «злых» изменений лица. Он не поджимает губы, не отращивает подборюдок.

Зато «веселых лучиков» в этой человеческой энциклопедии хоть отбавляй, что немного шокирует. Ведь, оглядываясь на его быт и работу, сложно поверить, будто бы у этого человека много поводов для радости.

Дед улегся на ковер у стены, все еще подхихикивая над глупой девицей и аккуратно извлек из кармана мое кольцо.

Честно, я невольно вздрогнула, когда он, подслеповато

шурясь, начал его разглядывать очень близко поднеся к глазам.

Вновь сжавшись в тревожную кнопку, не могла отделаться от ощущения, что он не лиловый камень разглядывает в золотой оправе, а мои внутренности через кожу.

— Тебе неприятно, когда я его трогаю? — пронизательно заметил Идир.

— Мне, даже смотреть на него тяжело, — призналась, не в силах отвернуться. — Слишком дорогая мне вещь и очень больно делает.

— Она до того, как ты такая стала, принадлежало кому-то важному?

Вскинулась невольно и медленно кивнула.

Вот тебе и человек из древности. Ох, и липовый я юрист. Сама же себе запрещала недооценивать людей, а стоило оценить уровень текущей цивилизации, как тут же окрестила здешних идиотами.

Давай, создатель, тыкай меня дальше в кучу действительности.

— Моей маме, не по крови, — опустив голову ниже и покорно принимая реальность, ответила честно.

— Инирия, ты можешь рассказать, как стала духом? Не зови меня Хозяином, называй Амгар Идир, это будет звучать, так, как если бы я был старше тебя по роду и возрасту, и ты выражала положенное почтение. Не хочу, чтобы другие, если увидят, считали тебя рабой. Я вижу — по душе ты сво-

бодная. Если получается, не разрешай себя гнуть и ломать.

Кивнула и почему-то едва не расплакалась.

Рабой? Теперь я навсегда раба, но пока еще этого не почувствовала, но, всей кожей ощущаю, что Идир будет очень редким случаем ЧЕЛОВЕКА.

— Амгар Идир, прикажите мне это, пожалуйста.

— Несчастный верблюжонок, — покачал он головой и с неудовольствием покачал головой. — Инирия, я приказываю тебе не разрешать унижать себя и всегда искать в себе силы бороться... ну-ка.

Я словно оглохла после сказанного. Каждое слово приказа превращалось в тонкую проволочную сеть и сковывало меня по рукам и ногам, а потом и вовсе впиталось под кожу и впаялось в холодное недвижимое сердце, заставив его сделать маленький и тихий удар.

Пока я дышала ртом от накативших незнакомых ощущений, Амгар удалился в дальнюю комнату и зашуршал там, чтобы вернуться и надеть мне на шею поверх платка и балахона плотную, похожую на бронзовую, цепочку с крупным овальным кулоном, довольно тяжелым, состоящим из двух половинок и защелки. Что-то подобное я видела, только куда меньшего размера. В наше время туда фотографии вставляли, а раньше, вроде, локоны.

Помучавшись с замочком, с интересом услышала щелчок и в мою ладонь упала... фасолинка.

Удивленно посмотрела его сухую глянцевую поверхность и

перевела вопросительный взгляд на Идира.

— Вещь моего рода, передается от отца к сыну или от матери дочери. Абау — фасолина. Она выживает в самые непростые времена. Может годами или десятилетиями спать, не портиться, а потом попасть в правильные добрые почвы и снова начать жить. Ты не Инирия, ты — Абау. Тебя оторвали от рода и высушили. Ты будешь переходить в руки разных людей и спать, может, от злобы людей станешь еще суше. Но потом, наше великий и милосердный отец даст тебе добрую почву, и ты проснешься.

Он сжал кольцо и посмотрел строго на меня, обдав странным и ярким запахом сухой, почти укрепленной пламенем глины и четко проговорил.

— Джинния, мое первое желание. Я хочу, чтобы ты всегда носила это сокровище моего рода и с неугасаемой верой в душе, ждала того дня, когда сможешь, как эта фасолина, начать жить по настоящему.

Я задрожала. Все навеянное одеяние рассыпалась искрами силы, создавая локальный вихрь вокруг моего тела. Кольцо в руках Идира засветилось, играя всеми оттенками розового, красного, фиолетового и синего, чтобы всем этим собранным лучом ударить мне в грудь.

Кулон в судорожно сжатых пальцах захлопнулся, цепочка его накалилась, расплавилась, превращаясь в монолитную тонкую цепь под цвет моих браслетов и подаренная вещь опустилась на грудь, полностью мимикрируя под остальные

украшения.

Я дикими глазами смотрела на человека, загадавшее такое нелепое, даже глупое желание из их итак ограниченного количества.

Зачем?!

— Зачем? — выдохнула я. — У вас же их только четыре! Это же... это же глупо!

Восхищенно вздохнув, после просмотра волшебного представления, Идир пожевал губами и лег на свой топчан, пряча мое кольцо в складках своего одеяния.

— Делай добро и бросай его в воду. Отец наш подарил мне желания и тебя, я подарил тебе желание и отблагодарил Его. Глупая Абау. Давай ложиться спать. Ночи холодные, наколдуй себе теплое. Завтра так много работы, а я так стар и устал. Ты молодая, если тебе нет нужды спать, делай что хочешь. Можешь гулять по пескам или найти оазис и наслаждаться его свежетью. Идиру нужно отдыхать.

— Да, Амгар Идир. Добрых снов.

Моргнула я, совершенно не понимая мотивов этого странного мужчины и тихо растворившись, покинула его дом.

А тот запах мне не привиделся, и весь опыт той, уже далекой и призрачной человеческой жизни оказался бесполезным.

Человек был создан из глины и ею же пах до скончания своей жизни. Но и глина бывает разной. В ней есть примеси, ее добывают в разных местах, и сама она с возрастом меняется.

Самыми мерзкими и тошнотворными были те, чье тело источало смрад болотной жижи. Той самой сырой и склизкой глины, что ковшом, вместе с водорослями и торфом зачерпнули с самого дна. В таких трясиных еще обычно прекрасно прячутся трупы.

А лучшим из возможных ароматов был и навсегда останется запах Амгара Идира. Там, где уже не глина, а обожженная солнцем и огнем души, почти керамика, практически чистый костяной фарфор.

Глупая джинния гуляла по пескам всю ночь, ныряла в оазисы и хмельная от первого желания, пила яркий звездный свет, тыкала палками в змей и создавала воздушные вихри, перегоняющие шарики сухой травы из одного угла каньона в другой.

Утром пожилой аз-Зенати приказал претерпеть изменил внешности и видеться окружающим дочерью их племени и представил односельчанам внучкой, везде таская за собой.

Абау учили местным традициям, не разрешали помогать вскапывать огород, обучали стрельбе из лука, заплетанию правильных кос, рассказывали вечерами сказки и их версии устройства вселенной.

Мы танцевали с молодежью у костров, прыгали через алые

всполохи пламени. Меня настойчиво и непринужденно заставляли любить мир. Слушать его и улыбаться во все белые ровные зубы.

Это были самые замечательные полгода, которые я помню и перебираю в пальцах как гладкие янтарные бусины. Время честности, любви и безопасности.

Дедушка Идир загадал все положенные желания.

Он дотошно выпрашивал, может ли он чем-то помочь, как-то освободить меня или что-то еще.

Увы, разрушать мою личность он отказался, и кольцо осталось целым. Самому ему слишком мало оставалось лет жизни, чтобы вручать их мне, как издевку.

Я желаю, чтобы все эти земли получали вдоволь влаги земной и небесной, давая хорошие урожаи исправно, до окончания веков.

Я исполнила ровно столько, сколько он пожелал, не меняя ни единого смысла. Дрожь тела и феерия света выпала первым за несколько лет дождем, от которого восторженно визжали дети, мгновенно завалившиеся в грязи по самые брови.

Плакали старики, уставшие, высохшие, готовые отдать жизни, лишь бы не съесть лишнего куска и позволить детям жить дальше.

Их слез я старательно не видела, потому что дождь и грязь залепили глаза и нос. А мелкие обыгрывали меня в грязевые

снежки с разгромным счетом.

Я желаю, чтобы в каждом селении этой пустыни открылось хотя бы по одному источнику пресной воды, которые никогда не иссохнут, не засолятся и не испортятся каким-либо другим способом.

Мы пили воду руками, черпали ее, прикладывая к лицу, терли глаза, зубы сводило от холода, но не было людей счастливее в этом мире.

Я помогала с правильным загадыванием. Писала, подбирала слова, зачитывала и предлагала. А Идир жмурил глаза и пожимал плечами. Он верил мне, моей честности и искренности.

Он делал добро и кидал его в воду.

В меня.

И предать это доверие, все равно что умереть заново.

Я желаю, чтобы каждый из моих потомков получал ровно столько, сколько заслуживает.

Последнее желание.

Безумное, как и все, что делал этот пахнувший зноем старик, так далеко от глины и так близко к первородному пламени.

— Почему так? Разве не лучше пожелать удачи? Или здо-

ровья? Или богатства?

Мы сидели на остывающем вечернем песке и курили. Он трубку, я такую же, но из магии.

Сладковатый табак извивался причудливыми лентами и таял в свете горящего оранжевым закатом. И тем обиднее было получить именно в этот прекрасный день, когда пустыня начинала дышать после обильных дождей, последнее желание.

Словно прогнали.

Словно выкинули прочь, как ненужного котенка.

Я смотрела с осуждением и плохо скрытой обидой.

— Удача делает людей слабыми и ленивыми. Если мои дети будут трудиться, то и получают все, что пожелают. Если наполнятся злобой, жестокостью и ложью, то и не добьются ничего, и власти не добьются, а значит и зла другим не причинят.

Он перевернул трубку и вытряхнул содержимое, постукивая ей о камушек, а потом поднял на меня слезящиеся глаза и с трудом вздохнул.

— Боль, моя маленькая Абау стала такой большой, что терпеть ее больше не получается. Я умру в ближайшее время, а значит тебе пора лететь дальше и искать свою лучшую землю для прорастания. Никогда не теряй надежду, как бы ни была темна ночь.

Кольцо в его кармане светилось. Реальность расслаивалась полуденным миражом, а человек с помутневшими гла-

зами, свесил голову на грудь и ушел.

Ушел. Не пожелав себе продления жизни, не пожелав себе здоровья или хотя бы последних дней жизни без боли.

Ушел. Оставив меня внутри лампы задыхающиеся от муки потери самого достойного и прекрасного человека, во всех моих жизнях.

Думается, что для джина первый хозяин, запоминается также ярко, как первый мужчина для женщины или же первая женщина для мужчины.

Но это ложь. Амгара Идира я бы запомнила, в какой бы момент ни попала к нему..

И тем сильнее видна тьма, чем сильнее горит свет.

Идир был абсолют, которого я искала в каждом последующем хозяине и никак не находила.

Череда быстрых, скороспелых желаний протекала широкой рекой тем обильнее, чем проще и понятнее был человек.

Они хотели денег, жизни, развлечений и власти ровно столько, сколько в своем черепе могли вообразить масштаб.

Этих лиц я даже не запоминала.

Просто эпизоды.

Просто элементы пейзажа, смазанные за окном скоростного поезда.

Просто облако глиняной взвеси, залетевшее в открытую

для проветривания форточку.

Тяжелее всего давались психопаты. Искажённые детством, болью, наследственностью, жестокостью других... чаще всего мужчины.

Почему так? Возможно, они не понимали ценности жизни, не создавая ее. А может особенности взросления диктовали им свои условия.

Самые длинные и ужасные периоды я проживала в руках таких мужчин. Они были знакомы с казуистикой несколько не хуже самой меня. Приказывали подробно объяснять им их права, высчитывали и выписывали границы дозволенного и прекрасно перешагивали тот слабенький рубеж, который мог меня защитить.

Как и предполагалось, насильнику нет разницы, хочешь ты его или нет.

Мне кроили тело, разум и восприятие, заставляли превращаться в мужчин, мальчиков, девочек и зверей, закрепляя эту форму тела на весь период служения.

Каждое желание такой хозяин составлял с ужасающей скурпулезностью, который бы позавидовал адвокат дьявола.

Глядя на таких «сынов божьих» я искренне не понимала, как Он, мог призвать меня в руки ЭТОГО для изменения мира.

Почему нельзя, чтобы мной творили хорошее?

Мир этот, лишь отдаленно похож был на наш.

Население — люди.

Континентов три, и этап развития — нормальный. Я бы сказала, средние века. Колеса есть, пристегнуты к телегам. Письменность, религия, светская власть, замки, каменные постройки, судоходство.

Вот в последнем заключалась и проблема.

Один из континентов обладал более лучшими природными условиями, а следовательно и прогресс был побыстрее.

Глиняные человечки, как водится, нашли не похожих на себя и давай их порабощать, истреблять и грабить.

Затянулись противоборства, потому что аборигены тех других земель, хоть и отстали в развитии, но агрессивность не растеряли. И пошла потеха.

Я попала в лапы Сирина Непобедимого. Высокого, плечистого, вдохновенного, сероглазого, светловолосого, прекрасного, лучезарного... садиста.

Он проделал все то, что делал в информационном и изучательном плане его вид, и создал из меня свою королеву.

Народ, обожающий своего великолепного повелителя, млел от восторга, глядя на свою новую правительницу, прямо-таки небесное создание, являющееся точной копией дочерей одного из аристократических родов этого мира.

Да.

Светоносный подонок, взял в жены Каролину Адварску и запер ее. Из полученного в руки джина слепил полностью ему подвластную копию и измывался над обеими.

Только настоящую Каролину щадил, потому что она ро-

жала ему наследников, а меня пользовал в свое удовольствие, с каждым днем все больше и больше раздвигая грани допустимого.

У меня не текла кровь, но боль я чувствовала.

Мне запретили даже прикасаться к лампе, что было предусмотрительно, ведь на пятом десятке лет в этом служении мне было настолько плевать на память прошлой жизни, что я искренне мечтала раздробить кольцо ближайшим камнем.

Сирин был настолько же порочен, насколько идеален снаружи.

С моей помощью, всего за два правильных желания, он устроил тотальный геноцид и стал полноправным властителем всей суши.

Прекрасный политик, удачливый военачальник, справедливый правитель и гениальный стратег.

Да. Это все он. Ума ему было не занимать. Видимо, все реакции сердечной мышцы он еще в утробе променял именно на качественный мозг.

Свое лицо я не видела все эти годы, оно медленно, капля за каплей стиралось из моей памяти и глядя голубые глаза и белоснежные локоны, с трудом вспоминала, какого же цвета мои собственные отличительные черты.

Меня заставляли играть роль счастливый жены и матери, женщины.

Правду знала лишь Каролина, чьим единственным себе-

седником кроме ее мучителя я была. Именно я следила за ее здоровьем, смазывала синяки и ссадины на теле, разминала затекшую поясницу на большом сроке и принимала на руки каждого из детей, мгновенно вынужденно отбирая их и прилюдно нарекаю своими.

Она плакала всегда, постоянно, цеплялась за мои руки, валялась в ногах, судорожно сотрясаясь в схватках умоляла не забирать ее малышей, хотя бы разрешать кормить их. Но приказ обойти я не могла и каждый раз беря на руки пищащий комочек, ощущала себя чудовищем.

Измотанная родами, располневший, практически лишившаяся зубов и здоровья, женщина проклинала меня, пыталась убить, а потом вновь и вновь радовалась моему приходу, потому что лучше я, чем Сирина.

И на моих же руках Каролина Адварская умерла на седьмой год своего брака, подарив империи Сирина троих сыновей и двух дочерей.

Я сидела рядом, наблюдая, как капля за каплей уходит ее жизнь. Как стираются рукой приближающейся смерти все годы боли отчаяния, как светлеют глаза и все шире расползается улыбка, того, кто стремительно освобождался от власти тирана.

Во мне не было в тот момент жалости, я просто безумно завидовала, жадно ловила каждый ее вздох и желала также уйти, сбежать, раствориться в вечности беспмятным духом.

Женщина ушла на закате, не жалея и не прося ни о чем,

лишь последний победный взгляд она бросила на меня и навсегда перестала дышать.

Сирин зашел вечером, брезгливо тряхнул плечом и приказал мне сжечь ее тело, а после убрать комнату до блеска и проветрить.

Если бы могла, я бы смеялась и плакала, потому что специально дождалась полуночи и только тогда принялась сжигать тело королевы, без королевства.

Это был четвертый день их десятидневной недели, почти четверг. И мстительно разводя бездымное пламя, я надеялась на высшую справедливость. Почему она свободна, а я нет?!

Пусть станет джинном и поймет, какого это.

Увы.

Кометы не было. И в свете осуждающих ледяными глазами звезд, я вручную, как было приказано, оттирала покои Каролины, проклиная всех и вся, потому что от разрывающей боли, не могла даже плакать... потому что мне запретили.

Пепел я аккуратно смела в мешок и высыпала в саду. Раз Он даровал тебе избавление, посмотри хотя бы после смерти на эти белые розы, которые так любила.

А годы мучения потекли дальше. И никто не видел настоящего лица Сирина, кроме меня.

Если бы не первое желание Идира, я бы сдалась.

Но редкие уколы сердца изнутри в моменты отчаяния за-

ставляли не разложиться морально.

Этот диссонанс навязанной веры и окружающей действительности так сильно меня выматывал, что проснулась она — злость. А та переросла в жестокость.

Как-то, глядя на расслабленное лицо Сирина, я заращивала в тишине роскошной спальни полученные за ночь повреждения, и внезапно даже для себя, улыбнулась.

Гибко поднявшись с постели так, что не шелохнулось ни единого волоска на голове супруга, я посмотрела на буйствующий белый розарий под балконом и улыбнулась вновь.

Смех душил, рвался наружу и щекотал небо, но я зажимала рот рукой.

Педантичный муж запретил мне почти все, что могло ему навредить даже косвенно. Но он совершенно точно, не был богом.

Ведь как известно, только ОН может предусмотреть все, и то допускает существование таких как Сирин.

Я взяла со столика нож и принялась упоенно разрезать кожу, руки, ноги, живот, спину. Имитировала истекание крови, терпя боль и улеглась обратно, с трудом сдерживая регенерацию.

Сирин спал чутко, как любой с нечистой совестью, поэтому иногда я его усыпляла. Вот и сейчас, видя некоторое движение прекрасного тела во сне, накинула побольше чар и отключилась, впадая в транс.

Каждое утро, дети Сирина и Каролины приводились к

нам, чтобы пожелать доброго дня.

Сонный и не ставший даже смотреть на меня, Сири́н поднялся и открыл дверь, немного зло.

Спросонья.

Микаэль, его первенец, заглянул в спальню и радостная, немного наивная улыбка сползла с его губ старой змеиной кожей.

Я из-под ресниц смотрела на лицо своего «сына» и, пока муж не повернулся, глядя в глаза почти уже юноше, мгновенно убрала все повреждения, прикрывшись одеялом и посылая старшенькому невинную улыбку.

Ножи, плетки, иглы, деревянные цилиндры понятного назначения и все прочие инструменты «бурной ночи» прямым закрепленным приказом убирала тоже я. Я и убрала. После того, как их увидел шокированный подросток.

Ведь это звучало как: «Убрать все после того, как мы закончим и до прихода посторонних».

Посторонних не было. Дети же не посторонние!

И я все убрала!

Микаэль ничего не сказала. А Сири́н, обернувшись, не нашел никаких подозрительных вещей, которые могли вызвать шок у сына и с беспокойством уточнил:

— Мики, сынок, ты так бледен. У тебя все хорошо? Приболел? Извини, что в таком виде, мы с мамой проспали. Доброе утро, мои хорошие.

Карамельный сироп загустел, потек незримой патокой и

застыл в глазах парня, мгновенно принявшего правила этой жестокой игры, под названием реальность.

С того утра Микаэль начал скрытно следить за отцом, чтобы удостовериться, что ему все не привиделось.

Я с трудом и очень редко получала возможность замедлить приказы. Оттянуть, отсрочить, продемонстрировать сыну всю глубину падения идеального внешне родителя.

Все дальше. Все глубже. Не заботясь о последствиях и чувствах, пробужденных мной в сердце ребенка, которого долгие годы называла своим.

Я всех их звала своими. Меняла ночами пеленки, кормила из рожка с молоком, наблюдала первые шаги, слышала слова и смотрела на руки, тянущиеся ко мне со словами «мама».

Эту любовь во мне тоже убил Сирин.

Какого это, слышать столь ценное и важное слово от тех, кто обманут. Кому заменили мать суррогатом. Кого лишили реальной заботы той, что носила их под сердцем. Мои принцессы и принцы. Моя идеальные, добрые дети... к которым я ничего не ощущала, кроме всепоглощающей вины и стыда, перешедших в не меньшую жестокость, чем к их отцу.

Люди этого мира жили почти два столетия и старели медленнее привычных мне. Поэтому, в день семидесятипятилетия величайшего из их правителей Сирин Великолепного, он выглядит почти также, как и пятьдесят пять лет назад, с нежностью держа за руку свою любимейшую и прекраснейшую королеву.

Звучат здравницы, льется вино, со звоном сталкиваются кубки и смех, музыка, улыбки, все это так честно и так больно.

Прибыли послы из вассальных королевств, в надежде на брачные договоры с семьей светлого императора. Моя старшая дочь Ванесса, прекрасная в своей свежей юности сидит не за родительским столом, а смущенно улыбается приехавшему за ее рукой молодому мужчине.

Знатный род, благоденствующие угодья и свет восхищения в темно-карих глазах только в сторону Ванессы Сирийской, с которой не далее чем вчера была заключена помолвка.

Все были счастливы, принося дары, распевая баллады о подвигах своего правителя.

Но лучшим из возможных, стал подарок Микаэля.

Преклонив колено перед отцом, он вручил ему меч звездной стали, который протягивая на вытянутых руках, внезапно перехватил и всадил в живот искрящемуся от довольства «папочке».

Тварь пребывала в недоумении, захлебываясь кровью, наколотая на меч своего наследника и не в силах была загадать желание выжить. Потому что золоченый кинжал Микаэль столь яростным движением вогнал ему в изумленно приоткрытый рот.

Сторонники Сирина обезглавили вероломного кронпринца в тот же миг.

Завизжали женщины, набежала стража, грохот падающих в обморок и брань выскакивающих из-за столов мужчин. Лязг доспехов и оружия.

Пустым взглядом глядя на катящуюся голову светловолового парня, которого столько лет называла сыном я не испытала ничего.

Только смех, безумный смех, который едва не обронила в ТУ ночь, вырвался из груди, заставляя замереть и затихнуть все, испуганно глядя на сошедшую с ума от горя королеву.

— Король умер... туда и дорога.

Вихрь пепла вспух за моими плечами, разрывая постылый облик и унося в лампу под аккомпанемент прекрасных в своем исполнении воплей ужаса высокопоставленных людишек.

До сих пор не знаю, может в лампе встроенный датчик отслеживания состояния?

Но, после «изумительного» замужества, мое вместилище зависло где-то в безвременье на довольно длительный срок.

Когда кольцо поглотило свою рабу, я стояла на крыльце дома и не могла поверить, что все закончилось.

Осматривала себя, трогала вновь серую кожу, перебирала в руках длинные пепельные пряди и никак не осознавала того, что вот та жизнь, она канула в небытие и больше мне не принадлежит.

Что ночь снова просто время для отдыха, а не черед часов потрошения духа лампы.

Дом казался незнакомым, книги наколдованные из разных эпох, в которых побывала, любовно расставленные на полках, манили праздностью и расслаблением в объятьях мягкого пушистого кресла, так не похожего на жесткий, обитый бархатом трон, который я ненавидела.

Молча заново изучила собственное жилище и вышла на «улицу».

Не знаю, можно ли так. Но, если мир внутри лампы это отражение всего, что я видела и знаю, то бархан у дальней стены и глиняная постройка выглядят вполне логично.

И силуэт, старый, сгорбленные, довольно шурящийся на иллюзорное закатное солнце и дымящий трубкой.

Я шла к миражу сначала медленно, потом быстрее, а потом и вовсе бежала, спотыкаясь и оскальзываясь на горячем песке босыми стопами.

Амгар Идир повернул голову в мою сторону и затянулся.

Все, как в тот день, который мне запомнился.

Как видео, записанное на пленку памяти.

Я все же неловко покачнулась и рухнула практически под ноги замершему в тишине старику.

— Дедушка, — слова вырвались сами.

Я не стала вставать. Наоборот, свернулась плотнее, почти в один комок боли и злости.

— Глупая Абау.

Зарылась лицом, руками, ногами в песок и заплакала. Не по человечески, как джинн, у которого слезы были раскаленными каплями пламени, прожигающими лавовые дорожки на серых щеках.

— Это ты виноват. Ты виноват! Ублюдская глина! Ненавижу всех вас, бездушные твари, воняющие болотом и плесенью. Ненавижу! Нет условий там, где есть ВЫ! Вы портите все, к чему прикасаетесь! Зачем то желание?! Зачем! Я вас всех уничтожу! Ты не добрый, кусок ты тарелки, ты жестокий! Ты самый подлый из всех! Зачем ты умер?!

Зачем помнить один эпизод добра, если все остальное в мире зло?

Почему я должна всю жизнь с тупой надеждой искать хоть что-то близкое к Идиру?

Почему они ломаются и раскисают, стоит получить в руки лампу?

Почему запах зноя уходит, стоит осознать свою власть над кем-то и четыре желания?

Почему я должна мучиться от мысли, что и ты, дедушка, стал бы мокрой глиной, если бы был моложе и поддался соблазну?

— Нет, вас, хороших! Сдохните!

В рот набился песок, я сжала ладони в кулаки и била, била ими по земле, пока силы вовсе не покинули меня.

Странная усталость, ранее не знакомая этому телу.

Перевернулась на спину, глядя в имитацию звездного

неба и ощущая пустоту. Окончательную и жестокую, в которой хриплый голос старика пел родовую песню магваров.

Солнце встаёт — и мы встретимся с ним,

Свет — наш Отец, а земля — отчий дом.

Ветер поёт нам о травах седых,

Имя тех предков сохрАнное в нём.

Огнём мы клянемся у чёрных камней,

Кровью скрепляем дороги и род.

Матушка глубь помнит шаг наших дней,

И в ней отражён этот стойкий народ.

Звери нам братья, а лес — живой щит,

Ночь не страшна, если пламя растёт.

Кто страх носит в сердце — уже тот убит,

Кто поднял свой меч — тот упрямо живёт.

А как солнце погаснет — мы останемся здесь,

Песнь не умрёт, пока сердце стучит.

Имя Зенетов — в ветре и в нас,

Пока хоть один свой дух верно чтит.

Сухие губы разжались подпевая каждому слову.

Тяжелый наполовину сон, наполовину воспоминание,

сморил меня здесь же, на остывающем песке под звуки песни, что повторялась снова и снова, напоивая душу сомнениями, горем и...злостью.

От глупой Абау практически ничего не осталось. Я стала глуха к людским мольбам, их страстям, желаниям и просьбам. Выгорела в ярком безжалостном свете Сирина.

Я больше не стыдилась своего истинного облика, не желала сделать им приятнее, мимикрируя под обстановку, расу, вид или время.

Растворились во времени чувство такта, стыда, смущения и боязни.

Если им было неловко смотреть на полуобнаженное тело чудного цвета, это только вызывало слабую улыбку.

Люди.

Глина.

Набор условностей и правил, в которые они сами себя загнали и барахтаются, думая, что имея джинна, смогут из них выбраться.

А ведь они даже не связаны ограничениями лампы, которые, к слову, мне было интересно пошатать самой.

Убивать я действительно не могла, и не только по воле Хозяина, но и по собственному желанию.

Удавка рвалась в руках, оружие испарялось, пистолет не стрелял, а сами руки ослабевали стоило сомкнуть их на чье-то шее.

Прискорбно.

Приходилось изгаляться, перекраивать события, обстановку и пространство. Это было даже любопытно и забавно.

Включался, давно забытый, спортивный интерес.

Смогу ли? Осилю извернуться так, чтобы испортить все максимально эффективно?

Удавалось многое.

Я смеялась в такие моменты, не скрывая эмоций. А потом убегала в лампу и ложилась у изножья бархана, слушая песню, погружающую меня все глубже во тьму. Потому что света я уже была недостойна.

Ведя некоторые записи в своем еже...годнике(?), поняла, что прожитые время джинна в лампе и годах служения, это или лестница в глубины ада на пути морального разложения или замкнутая петля времени.

Посудите сами.

Более-менее сносные персонажи с моим кольцом в руке загадывают желания довольно быстро и стираются из памяти, не успевая оставить в ней хотя бы след.

Ладно, «лампа» изнутри сама вела книгу учета, выдалбливая на стенах имя каждого нового хозяина и приписывая к ним список исполненных желаний.

Возможно, это должно было служить мне некоторым уко-

ром и напоминанием, но в последние годы число тех, кто смог загадать все четыре, стремилось к нулю, а количество умерших или утративших дееспособность наоборот росло.

Я наколдовала шторку с этой стороны и, запахнув ее, выкинула данный предмет интерьера из головы.

Или не желала видеть, кем стала.

Так вот, про петлю.

Да, с точки зрения глины, я разлагалась вслед за ними.

Потому что дольше всех приходилось служить самым мерзким аналогам Джафара из всем известного мультика.

Умненькие, дотошные, как Сирин, и запасливые, как хомяки. Они боялись окружающих и служила я им во много раз дольше, чем хорошим.

Так, даже если подобные первому Хозяину и были, их так мало и так скоро, что заседали в памяти только худшие.

Несколько раз я была на грани разрушения лампы, которую владельцы изменяли визуально по своему вкусу в различные декоративные элементы. Но, стоило судорожно протянуть руку, желая уничтожить, сломать вместилище и прервать агонию служения, как издевательский предмет представлялся старым кольцом с корундом, а подвеска Идира на шее становилась особенно тяжелой.

Так что, мало злобности, меня еще и трусость победила.

А еще в блокноте появилась новая приписка.

Если в мире появляется на одном промежутке времени

больше одного джина, то мир обречен.

Такое за мою практику случилось дважды. И изрядно встряхнуло ту метафизическую лестницу, по которой я скользила в бездну, заставляя на пару ступеней вернуться назад.

Странное дыхание силы заставило выбраться из лампы во время занятости очередного босса планами покорения мира.

Израил меня тоже почувствовал.

Огромный, древний, с кожей цвета запеченой крови и полностью бритым черепом. Он осмотрел меня мертвым взглядом, как досадно вылезшего на пути таракана, и пугающе криво ухмыльнулся:

— Израил, а ты?

— Инири, — отозвалась я, облетая его полу вихрем по кругу. — Впервые вижу такого же, как и я.

— И вправду, слишком много радости. Щенок.

Пожав плечами, материализовалась полностью и прислушалась к шепоту в воздухе. Хозяин вертел в руках кольцо и эхо его слов долетало и до меня, отвлекая.

— Запомни, Инири, если встретились два духа, значит неминуема смерть мира. Специально или случайно, намеренно или по ошибке. Эта планета умрет до конца срока одного из нас. И я ощущаю, что в этот раз разрушителем стану

я.

Вздрогнула.

Страх протиснулся сквозь выжженную пустыню души и взвыл голодным шакалом.

Холодный ветер побережья, где мы стояли, принес соленые капли океана, что простирался под ногами, за близким обрывом крутого берега.

Вдалеке выпрыгнула косатка и черно-белый бок сверкнул, подсвеченный солнцем.

— Мир умрет? — тупо повторила я, теряя смысл этого слова.

Рев резвящихся созданий, невинных созданий, ударил по ушам реальностью. Я резко повернулась к новому знакомому.

— Почему он должен умереть? Люди, ладно, но мир зачем?

Он засмеялся. Сухо. Безразлично. Поднял крупную бордовую ладонь и провела по лоснящемуся затылку.

— Этикет джиннов обязывает джинна, разрушающего мир, в первую очередь привести к смерти хозяина второго джинна. Чтобы дух не ощутил разложения пространства.

— И чем ты лучше глины? — сплюнула я зло, обхватывая себя за плечи.

Холодно, мокро, противно.

А Израил сомкнул крупные пальцы на моей голоев, заставляя посмотреть ему в глаза.

— А ты?

Этикет — не есть правило и обязанность.

И Израил мне это продемонстрировав. В назидание? Из злости, что так оскорбила его или излишне эмоционально отреагировала?

Не знаю.

Я курила, сидя на корунде своего кольца и, нервно сглазывая, смотрела, как ядро земли прожигает все на своем пути, выстреливая вверх столбами фантазмагоричного и убийственного пламени. Как лопается твердь земная, как рушатся города, кричат люди и неистово плачем сам мир.

Этого я так и не смогла принять и понять.

Меня трясло так сильно, что стучали зубы и пальцы ходили ходуном.

Смотреть на раскалывающуюся планету мне было также невыносимо больно, как на смерть Идира. Остатки человеческой души стонали от боли беспомощности.

Хоть что-то?! Порталы в другие миры?! Космические корабли-ковчеги. Кто-нибудь!!!

Отец всемогущий, мать создательница, где же вы?! Почему допустили столько смертей, почему исчезает чувствующая и нежно любящая своих детей планета?!

Даже, когда на месте солнечной системы распахнулась в

этой реальности черная дыра, лампа не заперла меня внутри, позволяя плыть в безвоздушном пространстве и смотреть в глаза вечности.

Взгляд ощутила и в космосе.

Медленно повернувшись, заметила джина-жнеца, что смотрел на закручивающуюся спираль, а потом усмехнулся мне и исчез.

Следом, кольцо, наконец, призвало и меня.

Увиденное потрясло до основания. До самых глубин генетической памяти.

«А ты?»

Тишина космоса не успела перестать отдаваться болью внутри, как кольцо нагрелась и, игнорируя правило шестнадцати дней, меня представило перед новым хозяином, не позволяя даже оплакать погибший мир.

Первое, что ослепленная я услышала, после проговаривания стандартных слов, это выстрелы.

Боже, я так давно не слышала этих звуков, что присела на автопилоте.

Много лет аграрных, средневековых времен. Кажется, я вообще не помню, что это — огнестрельное оружие.

Под ногами лежал мальчик, сжимая в руке лампу, а второй вцепившись в ручку истекающей горячей свежей кровью маленькой девочки, что почти не дышала.

Парню на вид было лет шесть и, судя по состоянию, ему было все-равно, кто перед ним, джинн или черти из преис-

подней.

— Спасите Маришку. Пожалуйста, спасите Маришку. Маришку. Спасите ее.

Мы находились в сарае, старом таком, деревянном, с просветами между досками и крышей из дранки.

Судя по кровавому широкому следу, пацан волоком тащил «Маришку» сюда.

За до конца не запертой дверью слышались крики, выстрелы и, что повергло меня в шок, немецкая речь.

Даже не осознала сперва, тупо переводя взгляд с хозяина на все тише хрипящую девочку.

— Спасите МАРИШКУ!

Он посмотрел мне в глаза и игнорировать шепот не получилось. Я села на колени, нащупывая пульс у маленькой темноволосой девчушки, которую пуля прошила насквозь.

Магия внутри меня ощутила жизнь и вступила в дело. Каким чудом девочка была еще жива? Но раз дышит, то желание не противоречит своду моих правил.

Названная Маришкой вздохнула целыми, чистыми легкими и уснула.

Не дожидаясь реакции паренька, усыпила его и, не сдержав любопытства, выскользнула наружу.

Это была деревня моего мира.

И Вторая Мировая.

Трудно не распознать фашистов, когда смотрела много раз в кино на форму захватчиком родной земли.

Они уже зачистили деревню, сталкивая трупы мужчин от старых до малых в кучу, а женщин и девочек сгоняли как скот в кружок.

Я шла под морозом своей магии и не верила происходящему, как клинило что-то в голове.

— Папка! — девчонка совсем, лет десять, стреноженная по рукам и ногам, рухнула на колени, когда солдат тащил за ногу недвижимое тело бородатого мужчины с открытыми глазами.

— Молчать, сука, — стоящий рядом офицер с диким акцентом прикладом ружья замахнулся дать девочке по лицу, но я была быстрее.

Хватит на сегодня с меня смертей и криков боли. Я не намерена вновь это слушать.

Вихрь ревущего песка смел толпу немецких захватчиков.

Трясь от гнева и ярости я в своем первоизданном облике встала, пряча за спиной перепуганных и подвывающих женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.